

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО НЕОЛИТУ В СЕВЕРНОМ ПРИКАСПИИ

© 2022

Выборнов А.А., Васильева И.Н., Лактаева Э.М., Фролов И.К.

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. Публикация посвящена итогам изучения материалов стоянки Каиршак в Северном Прикаспии. Актуальность темы определяется ролью данного региона в процессе неолитизации Восточной Европы. Керамическая традиция раннего неолита является одной из древнейших в интересующем исследователей регионе. Техно-технологический анализ керамического инвентаря свидетельствует о том, что посуда изготовлена из ила с примесью раковин пресноводных моллюсков. Типологическим методом выделены разные сосуды. Узоры наносились прочерками и разреженными наколами. Совокупность признаков позволяет отнести коллекцию керамики к каиршаковскому типу. Каменный инвентарь характеризуется пластинчато-отщеповой техникой. Среди орудий доминируют скребки концевой типа. Реже встречаются стрельчатые и другие формы. Вторую категорию составляют геометрические микролиты типа сегментов. В меньшей степени представлены острия. Сумма показателей свидетельствует о ранне-неолитическом характере индустрии. Архезоологическим методом установлен вид животного, обнаруженного на стоянке: кулан. Радиоуглеродная дата указывает на конец VI тыс. до н.э. Это противоречит имеющемуся банку данных о хронологии памятников каиршаковского типа. По всем характеристикам каменного и керамического инвентаря обнаруженный комплекс наиболее схож с материалами неолитической стоянки Каиршак I.

Ключевые слова: неолит; Северный Прикаспий; керамика; орнамент; технико-технологический анализ; каменный инвентарь; каиршаковский тип; фауна; радиоуглеродные даты.

NEW MATERIALS ABOUT THE NEOLITHIC PERIOD OF THE NORTH CASPIAN SEA REGION

© 2022

Vybornov A.A., Vasilyeva I.N., Laktaeva E.M., Frolov I.K.

Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The paper is devoted to the results of the research materials of Kairshak site of the North Caspian Sea region. The relevance of the topic is determined by the role of this region in the Neolithic process of Eastern Europe. The ceramic tradition of the early Neolithic is one of the oldest in this region. Technical and technological analysis of ceramics indicates that the dishes were made of silt with an addition of freshwater molluscs. Different vessels are typologically identified. An ornament is made by a drawn line and a single prick. The set of features allows to assign the collection of ceramics to the Kairshak type. Stone tools are characterized by plate-flake technique. End scrapers dominated. Arrowed and other forms are rarely met. The second category concludes geometrical microliths of segment type. The number of sharp points isn't big. An amount of indicators indicates that the complex has an early Neolithic character. A kind of animal is identified with an archeozoological method – kulan. The radiocarbon date indicates the end of the 6th millennium BC. This contradicts the available data bank on the chronology of the Kairshak type sites. According to all characteristics of the stone and ceramic inventory, the discovered complex is most similar to the materials of the Kairshak I.

Keywords: Neolithic; North Caspian Sea region; ceramics; ornament; technical and technological analysis; stone inventory; Kairshak type; fauna; radiocarbon date.

Введение

Северный Прикаспий привлекает внимание специалистов по разным периодам первобытности. Не является исключением и эпоха неолита, когда появляются новые технологии обработки камня, глиняная посуда и производящее хозяйство. Однако в различных районах Евразии процесс неолитизации имел свои особенности. Выявление компонентов «неолитического пакета» в южной части Волго-Уралья является одной из важнейших задач. Для ее разработки необходим прочный источниковый фундамент исследования. Его созданию препятствовали природные полупустынные условия Северного Прикаспия: большинство памятников были разрушены в результате денудации. Так, в результате интенсивных поисков А.Н. Мелентьевым было обнаружено около 400 пунктов, но стоянки содержали находки разных эпох [1]. Найти памятники с сохранившимся *in situ* культурным слоем оказалось непростой задачей. До-

статочно констатировать, что за период с 1986 по 2021 годы таких стоянок обнаружено всего четыре. Поэтому каждый комплекс имеет большую значимость. Особенно если речь идет не о завершающей фазе, а о начале неолита. Объясняется это тем, что, по данным специалистов, территория Северного Прикаспия является одним из древнейших центров неолитизации [2]. К раннему неолиту исследователи отнесли такие памятники с культурным слоем, как Каиршак III [3] и Байбек [4]. Именно на их материалах выделен и изучается каиршаковский тип памятников. Однако и другие стоянки играют немаловажную роль. Так, комплекс Каиршака I принес ценную информацию по внутренней периодизации раннего неолита интересующего региона [5]. Так, специалисты зафиксировали большой процент резцов на углу пластины данной стоянки [6, с. 11]. Было обращено внимание на то, что формы сосудов стоянки Каиршак I менее сложные, чем на Каиршаке III. А среди трапе-

ций представлен экземпляр со «струганой спинкой», что также является более поздним признаком [7]. Не случайно исследователи констатировали преемственность форм сосудов и орудий труда от каиршацких к тентексорским [8, с. 71]. В то же время высказывалось мнение о значительном различии каиршацких и тентексорских комплексов [9, с. 130–131]. В фондах Музея археологии Поволжья хранится коллекция, не имеющая инвентарной привязки. Но по всем показателям ее материалы происходят из Северного Прикаспия. Поэтому целью данной работы является введение в научный оборот и культурно-хронологическая интерпретация нового источника.

Материалы и методы исследования

Коллекция содержит 40 фрагментов керамики: 25 орнаментированных венчиков и стенок, 14 венчиков, стенок и придонных частей без орнамента и 1 плоское днище. Для ее анализа применялся типологический и статистический методы. Толщина стенок и венчиков варьируется от 0,6 до 1,7 см. Внешняя и внутренняя поверхности черепков заглажены. На тулове встречаются конические сверлины (рис. 1: 1), порой двойные (рис. 2: 1). По венчикам и орнаментированным стенкам выделено около 15 сосудов. Их верхние части прямые (рис. 1: 1–6), а единичные отогнуты наружу (рис. 2: 2). Срезы венчиков округ-

лые (рис. 1: 1, 2, 3; рис. 2: 1), плоские (рис. 1: 5, 6) и плоскоскошенные (рис. 1: 4). По срезу на ряде венчиков нанесены наколы (рис. 1: 3, 4, 6; рис. 2: 1). Днища плоские (рис. 2: 4). Три черепка от сосуда с ребром. На некоторых фрагментах присутствует нагар. Есть сосуды без орнамента (рис. 1: 1, 2). Узоры расположены только на верхней части горшков. Они нанесены прямыми прочерками и разреженными наколами подовальной формы. Орнаментальные композиции представлены сочетанием горизонтальных рядов прочерков с разреженными наколами (рис. 1: 3–5), наклонными рядами прочерков с наколами (рис. 1: 6), висячими треугольниками из прочерков, обрамленными наколами (рис. 2: 3), прямоугольниками из прочерков с наколами по периметру (рис. 2: 2), зигзагом из прочерков (рис. 2: 1).

Каменный инвентарь представлен 554 экземплярами. Сырьем для изготовления артефактов служил кремнь преимущественно матовый, серого цвета. Часть предметов прозрачного черного или светло-желтого оттенков. Обнаружено 64 отщепа, 315 осколков, аморфных сколов и 161 ножевидная пластина. Последние характеризуются шириной от 0,5 до 1,7 см, с преобладанием от 0,8 до 1,1 см. Толщина – 0,2 см. Доминирующей категорией орудий являются скребки – 63 экз.

Рисунок 1 – Венчики от сосудов стоянки Каиршац

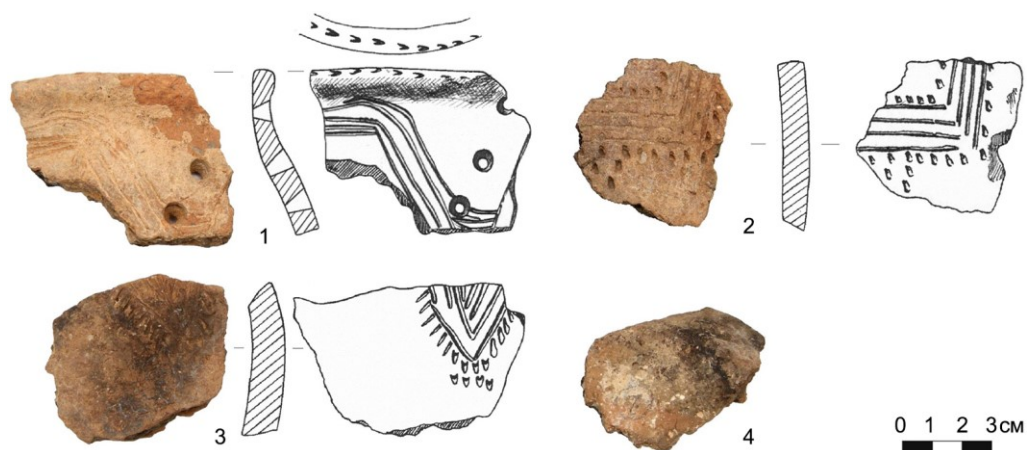

Рисунок 2 – Стенки от сосудов стоянки Каиршак

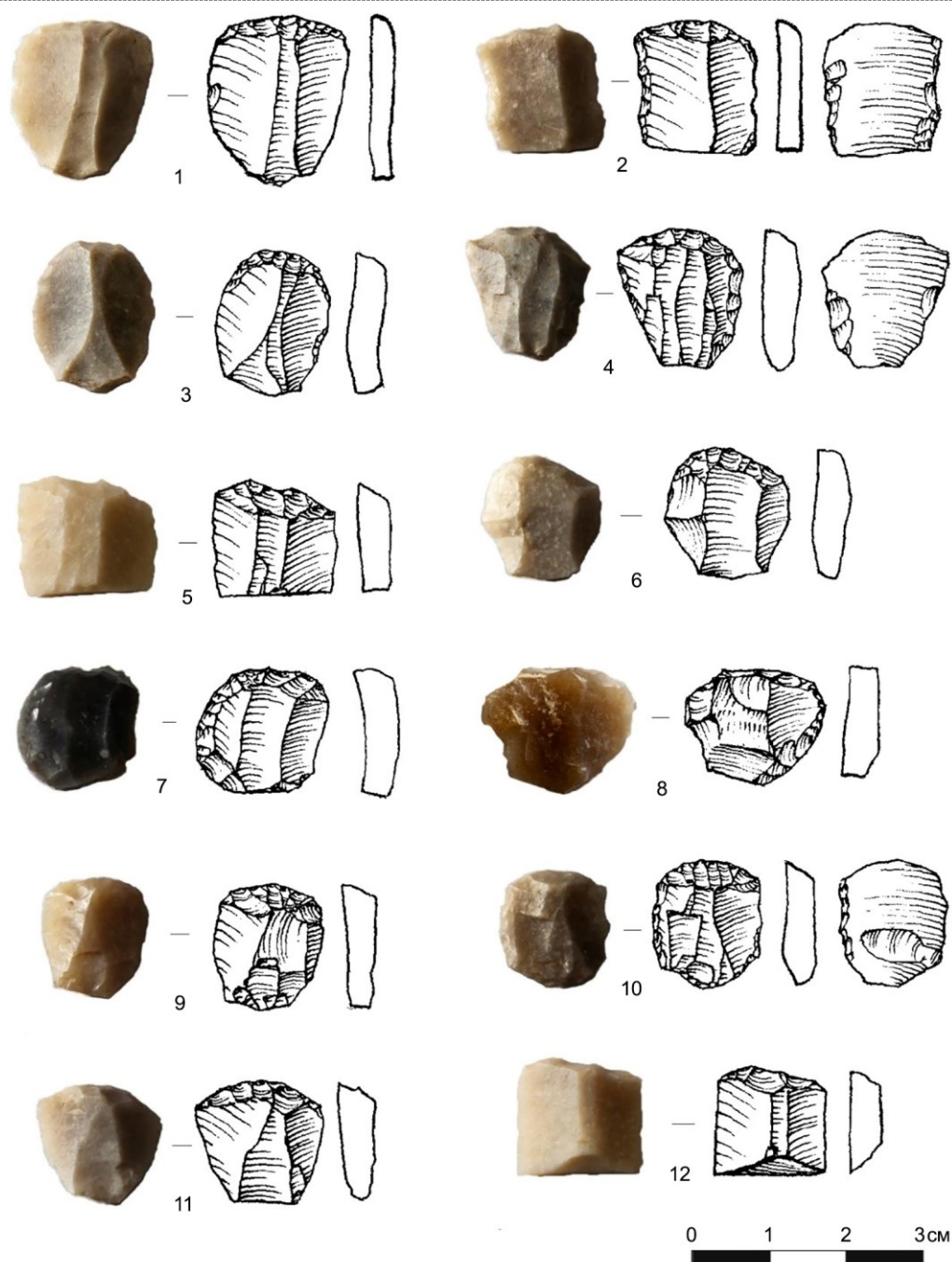

Рисунок 3 – Скребки стоянки Каиршак

Из них 37 концевых типа на отщепах (рис. 3: 3, 4, 6, 7, 9, 11; рис. 4: 3, 7), пластинах (рис. 3: 2, 5, 12; рис. 4: 1, 4, 8, 12; рис. 5: 2, 3) и пластинчатых отщепах (рис. 3: 1; рис. 4: 2, 7; рис. 5: 1). Доминирует округлый рабочий край (рис. 3: 3, 6, 7, 11; рис. 4: 1, 2, 7, 12). Реже встречается скошенный (рис. 3: 5, 12; рис. 4: 3, 4, 11; рис. 5: 1, 6) или прямой (рис. 4: 1, 5, 6, 10; рис. 5: 2, 7). Единичны стрелчатые (рис. 5: 4), с «мордочкой» (рис. 5: 10), «со шпорой» (рис. 3: 2, 4).

У части скребков по одной (рис. 3: 2, 7, 8; рис. 4: 2, 6, 9, 10, 12; рис. 5: 1) или обеим (рис. 3: 4, 10; рис. 4: 7, 8; рис. 5: 4, 7) граням по спинке нанесена ретушь. На одном веерообразном скребке расположена вентральная ретушь (рис. 4: 2).

В коллекции имеется 3 симметричных острия на пластинах (рис. 5: 11–13). Рабочая часть оформлена

мелкой краевой ретушью, нанесенной как по спинке, так и на брюшке.

К сегментам относится 10 изделий (рис. 6: 1–10). Среди них 8 целых и 2 обломка. 6 предметов с двухсторонней обработкой дуги ретушью (рис. 6: 1–6), а 4 имеют ретушь с одной стороны (рис. 6: 7–10). С пологой ретушью со спинки – 3 экз. (рис. 6: 7, 8, 10, 11).

Представлено всего 6 костей, судя по определению Н.В. Росляковой принадлежащих кулану. Складывается впечатление, что это остатки от сборов предшествующих лет.

Для определения возраста памятника по костям кулана М.А. Кульковой в радиоуглеродной лаборатории Российского государственного педагогического университета получена дата 6150 ± 100 лет ВР (2 сигма: 5316–4837 BC) (Spb_3695).

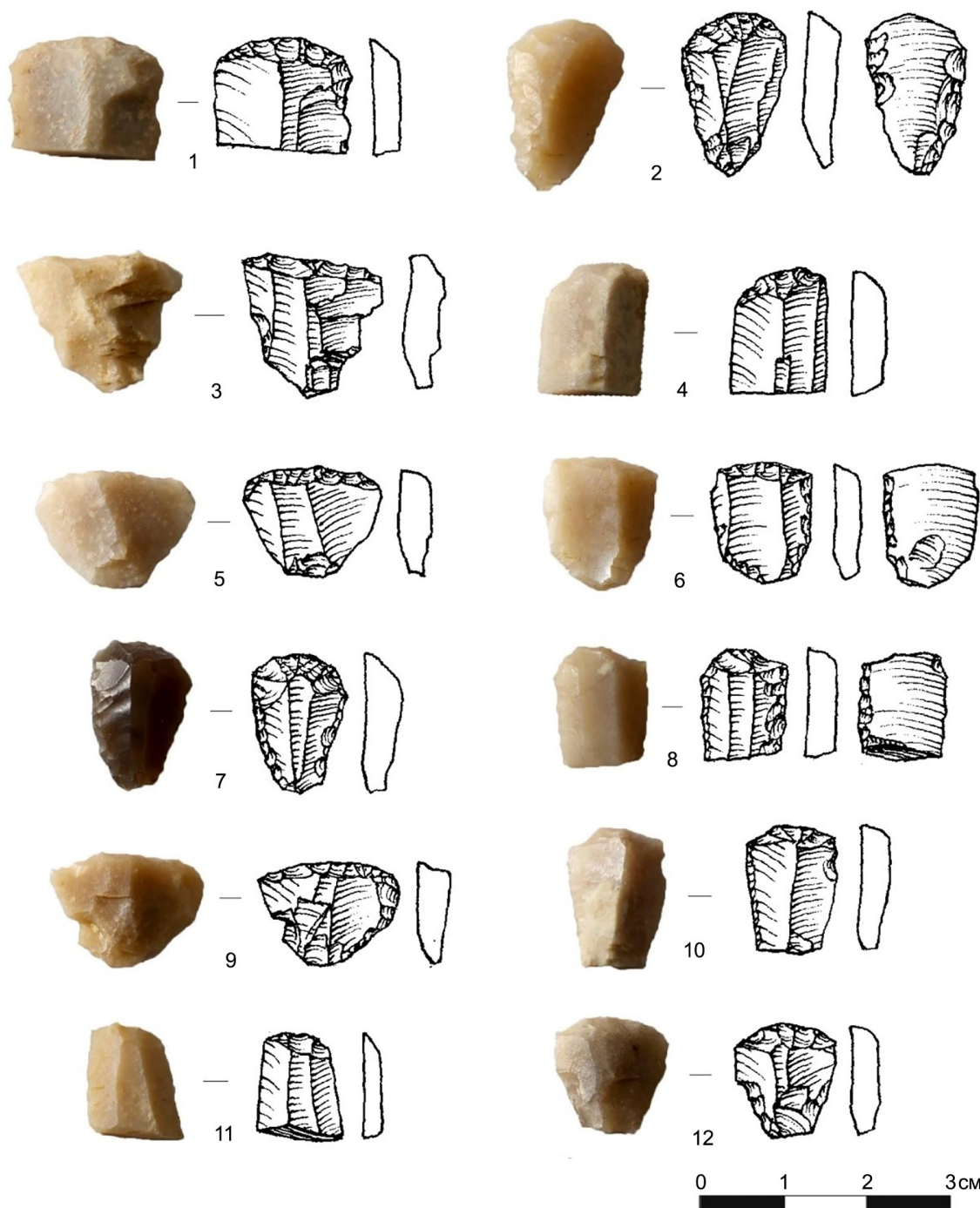

Рисунок 4 – Концевые скребки стоянки Каиршак

Анализ и обсуждение

Стоянка Каиршак расположена в одноименном урочище, находящемся в 25–30 км от пос. Аксарайский Красноярского района Астраханской области.

Важно отметить наличие у нескольких черепков ребра (3 экз.), что свойственно каиршакскому типу изготовления керамики. Средняя толщина стенок для всех изделий – 0,9 см, что ближе к параметрам фрагментов стоянки Каиршак I (0,9 см), чем к Каиршаку III (1,0 см). Следует отметить, что неорнаментированной керамике свойственна толстостенность. Типологический анализ керамики Каиршака показывает превалирование прямостенной формы сосудов – 7 орнаментированных венчиков и 2 неорнаментированных позволяют сделать такой вывод. Такое соотношения присуще посуде стоянки Каиршак I [5, с. 100–103]. Украшенной посуде свойственен плоский срез венчика, а керамике без орнамента – округлый (табл. 1). Оформление среза венчика наколами свойственно керамике как Каиршака I, так и Каиршака III.

Немаловажно также отметить соотношение орнаментированной и неорнаментированной посуды исследуемого комплекса. На керамику без орнамента приходится около 38% всех черепков. Этот признак характерен для раннего неолита [10].

Характеризуя орнаментальные композиции, можно выделить следующие схемы: 1) сочетание горизонтальных прочерченных линий с одиночным наколом – 10 экз.; 2) сочетание наклонных прочерченных линий с одиночным наколом – 4 экз.; 3) горизонтальные прочерченные линии – 2 экз.; 4) треугольные композиции с 2 экз.; 5) зигзаг из прочерченных линий, обрамленный одиночным наколом – 1 экз. Сопоставляя орнаменты с каиршакскими комплексами, можно сделать вывод об их близости. В то же время простота композиций в значительной степени характерна не для Каиршака III, а для сосудов Каиршака I [5, с. 100–103]. Таким образом, можно сделать вывод, что рассматриваемый керамический материал имеет больше сходства с посудой стоянки Каиршак I.

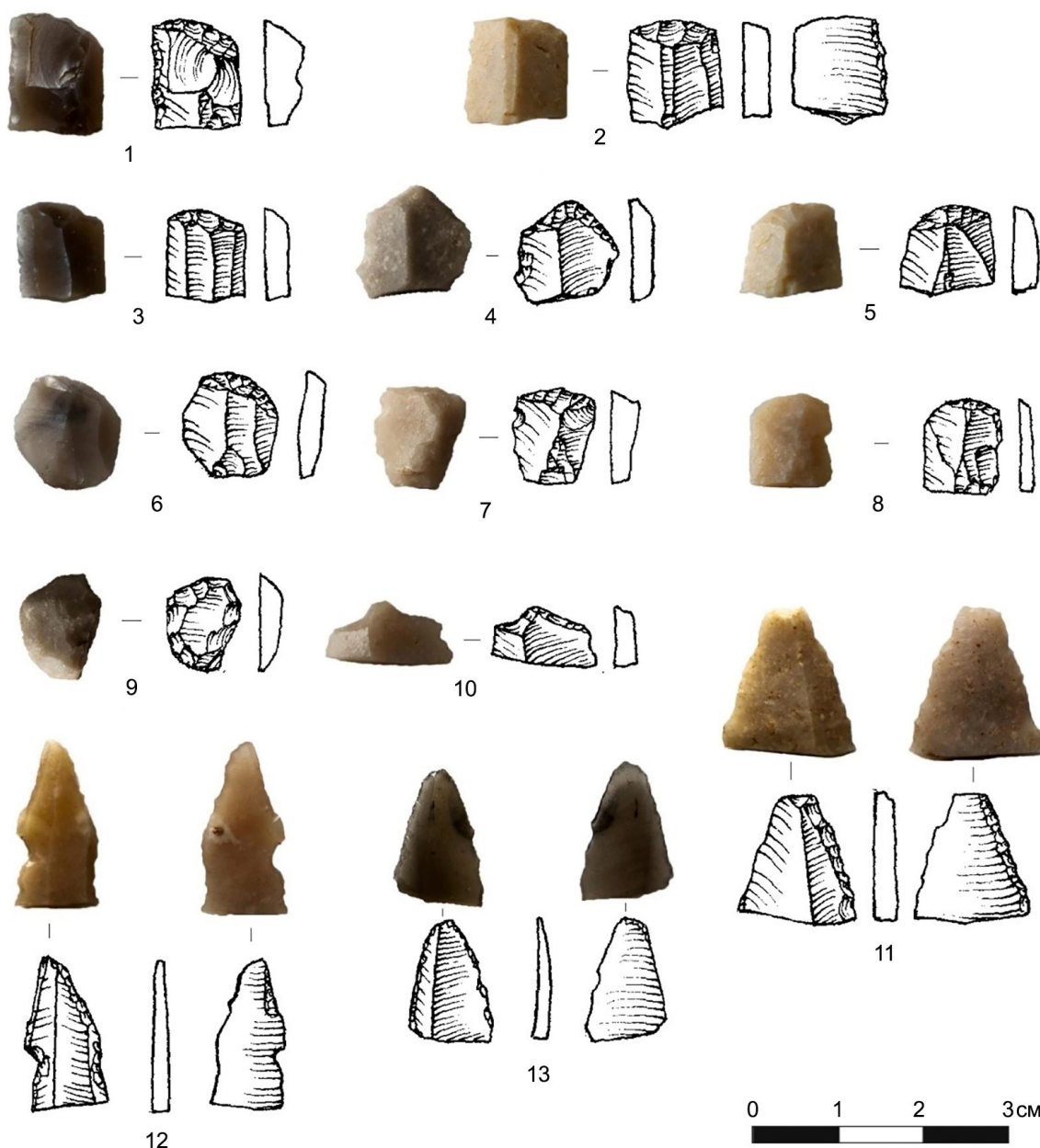

Рисунок 5 – Различные типы скребков (1–10) и острия (11–13) стоянки Каиршак

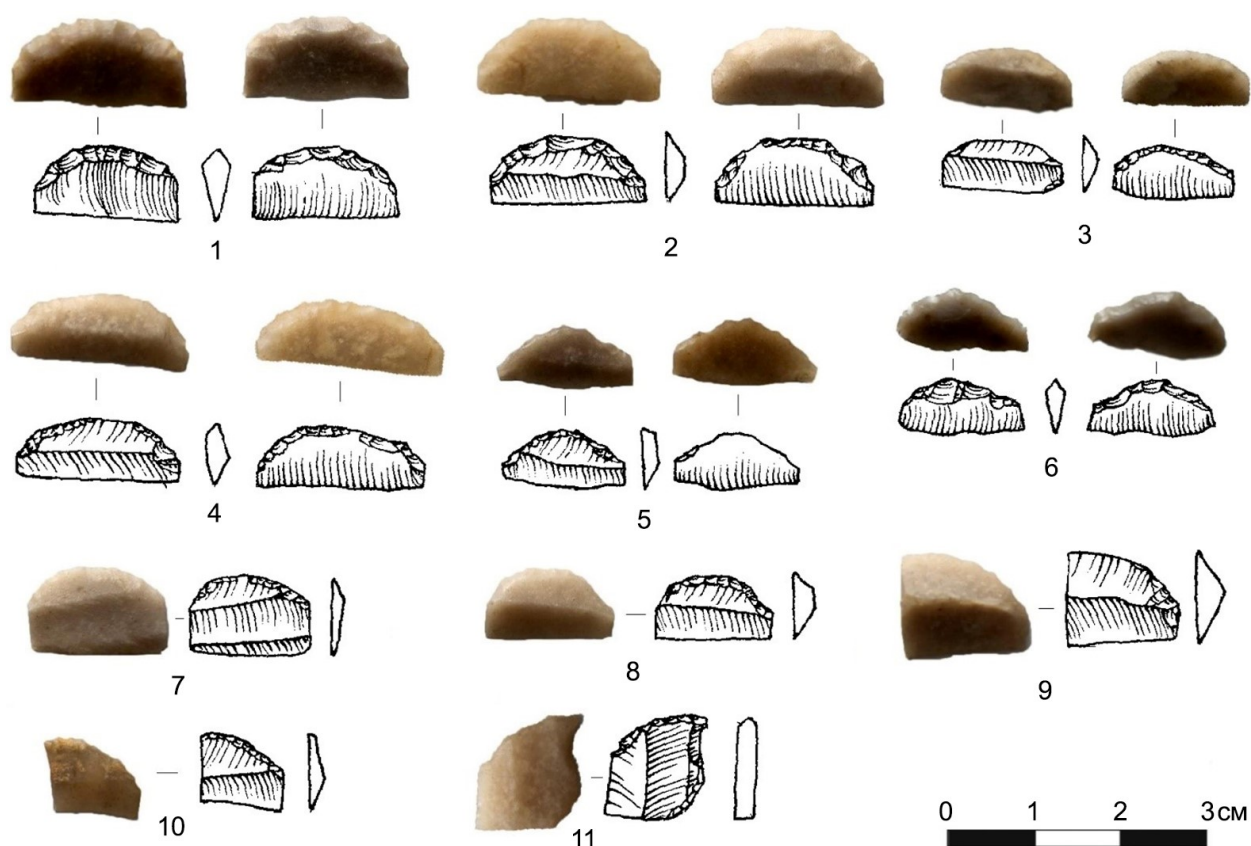

Рисунок 6 – Геометрические микролиты стоянки Каиршак

Таблица 1 – Венчики стоянки Каиршак, экз.

Керамика	Форма		Срез		
	отогнутая	прямостенная	округлый	плоский	скошенный
Орнаментированная	1	7	2	4	2
Неорнаментированная	–	2	2	–	–
Всего:	10				

Технико-технологический анализ керамики осуществлялся по методике А.А. Бобринского (бинокулярная микроскопия, трасология, эксперимент в виде физического моделирования) [11]. Микроскопическому изучению было подвергнуто 10 образцов от разных сосудов (венчики – 6, из них 2 – неорнаментированные, 4 – декорированные накольчато-прочерченным орнаментом; фрагмент плоского дна – 1; крупные орнаментированные стенки – 3). Исследование было направлено на реконструкцию навыков труда древних гончаров на всех ступенях гончарной технологии, доступных в настоящее время для изучения: от отбора исходного пластичного сырья до обжига изделий. Оно позволило выявить массовую и единственную традицию отбора илов в качестве сырья. Места добычи сырья были связаны с прибрежной зоной пресноводных водоемов. Керамика содержит остатки сгнившей водной и наземной растительности в большой и средней концентрации; незначительное количество обломков раковины как естественного компонента илов; иногда – комочки чистой глины размером менее 2 мм, фрагменты костей рыб, целые раковины брюхоногих моллюсков (менее

4 мм). Глинистый субстрат пластичного сырья по составу песчаной примеси можно отнести к жирным слабопесоченным (70% от общего количества), и только 30% сосудов было изготовлено из более тощего сырья: кроме алевритовой фракции в нем встречались зерна кварцевого песка размером 0,1–0,3 мм. На ступени подготовки формовочных масс зафиксирован один прием: к илам добавлялись органические растворы (предположительно, жидкие клейкие природные материалы растительного или животного происхождения). Следует напомнить, что данная реликтовая неолитическая традиция связана с догончарным периодом, а ее происхождение было обусловлено необходимостью придать прочность не обожженным, а только высушенным емкостям из илов. Процесс изготовления сосудов характеризуется применением приемов лоскутного налепливания – размазывания комков формовочной массы на поверхностях твердых форм-моделей. Обработка поверхностей изделий производилась следующим образом: внешняя сторона подвергалась, как правило, более тщательному уплотнению по влажной поверхности гладкими отполированными предметами. На внутренней сто-

роне сосудов часто фиксируются следы заглаживания твердыми «царапающими» предметами (раковины?), а поверх них – менее аккуратного уплотнения. Цветовые особенности изломов и поверхностей сосудов указывают на применение кострового обжига керамики с длительным периодом пребывания изделий при низких температурах в восстановительной атмосфере и непродолжительной выдержкой при температурах каления (+650...+700°C). По результатам проведенного исследования можно предполагать, что гончарство населения, оставившего данную стоянку, находилось на уровне протогончарства; изготовление бытовой посуды происходило в рамках домашних производств, ручными способами, без использования гончарных кругов и специализированных обжиговых устройств. Ранее проведенное изучение гончарной технологии неолитического населения Северного Прикаспия выявило некоторые эволюционные изменения традиций отбора илистого сырья, а именно тенденцию уменьшения доли тощего илистого сырья от раннего этапа неолита к позднему: Кугат IV – 100%; Каиршак III – 41%; Тентексор I – 4% [12, с. 94]. Зафиксированный по керамическому комплексу стоянки результат (30% сосудов из тощего сырья) указывает на вероятность его принадлежности к более позднему этапу североприкаспийского неолитического гончарства.

Каменный инвентарь характеризуется пластинчатой-отщеповой техникой, поскольку пластины и орудия из них преобладают на отщепах. По ширине пластины несколько уже, чем изделия на стоянке Каиршак III, где представлены от 0,5 до 2,5 см. По преобладанию среди орудий труда скребков данный комплекс не отличается от каиршакских. Аналогичен он и по типам скребковых инструментов. Что касается геометрических микролитов, то в анализируемой коллекции не представлены трапеции и треугольники. Но и на стоянках как Каиршак III [3, с. 40], так и Каиршак I [5, с. 97] такие формы единичны. Примечательно отсутствие скобелей и резцов, которые обнаружены на стоянках каиршакского типа. Трактовать это можно небольшой выборкой коллекции. Острий значительно меньше, чем на Каиршаке III [3, с. 38]. И они не столь разнообразны по типам. Это сближает их с перфораторами стоянки Каиршак I [5, с. 97]. Таким образом, коллекция каменных изделий анализируемого памятника по ряду характеристике более схожа с артефактами стоянки Каиршак I, чем Каиршак III.

Что касается хронологических рамок данного памятника, то полученная дата совпадает со значением по почве из верхнего уровня культурного слоя стоянки Каиршак III – 6100 лет ВР [13, с. 202]. Однако кроме нее есть еще три даты по органике в керамике со стоянки Каиршак I от 7200 до 7100 лет ВР [13, с. 202]. Если учесть три даты по костям животных для Каиршака III это 7200–7000 лет ВР [13, с. 202]. По костям и углю для стоянки каиршакского типа Байбек имеется серия дат, включая AMS, – 6900 лет ВР [14, с. 154]. В последнее время получена серия дат на AMS по костям животных для стоянки Каиршак III – около 6900 лет ВР [15]. Поэтому дата 6100 лет по костям кулана, скорее всего, невалидная. Кости долгое время подвергались воздействию влаги, ветра и солнца, что могло привести к уменьшению коллагена.

Выводы

Технико-технологические и типологические характеристики проанализированной керамики присущи сосудам каиршакского типа Северного Прикаспия. По сырью, технике первичного раскалывания и номенклатуре орудий труда каменный инвентарь интересующего комплекса аналогичен стоянкам развитого неолита. Простота форм сосудов и орнаментальных композиций, а также особенности заготовок и состава артефактов позволяет сближать данную коллекцию с материалами стоянки Каиршак I. По технологии керамика ближе к материалам стоянки Каиршак I, чем к комплексу посуды стоянки Каиршак III. Учтя, что в основном комплексе представлена трапеция с «подстругиванием спинки», то описываемая коллекция должна быть позднее материалов стоянки Байбек. Поэтому наиболее приемлемая датировка исследованного памятника – от около 6800 лет ВР.

Список литературы:

1. Мелентьев А.Н. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия) // Краткие сообщения Института археологии. 1975. Вып. 141. С. 112–117.
2. Выборнов А.А., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Ойнонен М., Поснерт Г., Нестерова Л.А. О древнейших керамических традициях населения Северного Прикаспия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 1. С. 141–151. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.1.12.
3. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 18–45.
4. Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Лебедев Ю.С. Жилище ранне неолитической стоянки Байбек в Северном Прикаспии // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 262. С. 141–154.
5. Выборнов А.А., Козин Е.В. Неолитическая стоянка Каиршак I в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия: межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 92–105.
6. Козин Е.В. Неолит Северного Прикаспия: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск, 2002. 27 с.
7. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.
8. Барынкин П.П., Козин Е.В. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене (краткие итоги исследования) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: СГПУ, 1998. С. 66–83.
9. Кольцов П.М. Поселение Джангар. Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.: Новый хронограф, 2004. 156 с.
10. Выборнов А.А., Васильева И.Н., Лактаева Э.М., Фролов И.К. Керамика из жилищ неолитической стоянки Каиршак III в Северном Прикаспии // Самарский научный вестник. 2022. № 2. С. 145–163. DOI: 10.55355/snv2022112201.
11. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
12. Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара: СамГПУ, 1999. С. 72–96.
13. Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного

Прикаспия // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14, № 3. С. 200–204.

14. Выборнов А.А., Гречкина Т.Ю., Кулькова М.А., Зайцева Г.И., Поснерт Г. Хронология стоянки Байбек в Северном Прикаспии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, № 6. С. 153–156.

15. Dolbunova E., Lucquin A., McLaughlin R., et al. The transmission of pottery technology among prehistoric European hunter-gatherers // Nature Human Behaviour. 2022. DOI: 10.1038/s41562-022-01491-8.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Неолитизация Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход» 22-28-00082.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Выборнов Александр Алексеевич , доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и археологии; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: vibornov_kin@mail.ru.	Vybornov Aleksandr Alekseevich , doctor of historical sciences, professor, head of Domestic History and Archeology Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: vibornov_kin@mail.ru.
Васильева Ирина Николаевна , кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела научных исследований и грантов; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: in.vasil@mail.ru.	Vasilyeva Irina Nikolaevna , candidate of historical sciences, senior researcher of Scientific Research and Grants Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: in.vasil@mail.ru.
Лактаева Элеонора Михайловна , студент исторического факультета; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: laktaeva.eleonora@sgspu.ru.	Laktaeva Eleonora Mikhailovna , student of History Faculty; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: laktaeva.eleonora@sgspu.ru.
Фролов Игорь Константинович , студент исторического факультета; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: frolov.igor@sgspu.ru.	Frolov Igor Konstantinovich , student of History Faculty; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: frolov.igor@sgspu.ru.

Для цитирования:

Выборнов А.А., Васильева И.Н., Лактаева Э.М., Фролов И.К. Новые материалы по неолиту в Северном Прикаспии // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 4. С. 158–165. DOI: 10.55355/snv2022114202.